

**«ПОЭТИЧЕСКИЙ ТЕКСТ:
СТРУКТУРА, ИНТЕРПРЕТАЦИЯ, СМЫСЛ»
(30–31 МАЯ 2011 Г., ТВЕРЬ)**

УДК 821.161.1-1
ГРНТИ 17.09

**ИДИЛЛИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПОЭЗИИ:
К ПРОБЛЕМЕ ВНУТРЕННЕЙ МЕРЫ ЖАНРА**

Е. А. Балашова

Калужский государственный университет имени К. Э. Циолковского
кафедра литературы

Можно обозначить два полюса в современной реализации жанровой модели идиллии: на одном будут произведения, которые сохраняют связь с инвариантом, а на другом – которые только «числятся» по ведомству идиллии. Что же позволяет именно идиллии (и никакому другому жанру), отказавшись ото всех жанрообразующих признаков, стать вариацией авторского целого? Возможно, в квазиидиллиях возрождается демиурговское начало, мечта о строительстве мира (хотя бы частной жизни) по собственным законам, как это было в пастушьей песне – в пасторали.

Ключевые слова: жанр, инвариант, идиллия, внутренняя мера жанра, деканонизация жанра

На материале жанра идиллии, как нам кажется, чётко просматриваются как нерасторжимые связи жанра с каноном, так и те трансформации, которые связаны с отказом от него и поисками собственной внутренней меры.

Можно сразу обозначить два полюса в современной реализации жанровой модели идиллии. Как показал материал, на одном полюсе будут произведения, которые сохраняют связь с традиционной идиллией, а на другом – те, которые этого не дают, но «числятся» по ведомству идиллии. Обратимся к стихотворению Г. Я. Горбовского «А человеку много ль надо?..». На вопрос, с которого начинает автор, ответить просто: человеку нужно немного: «*проснуться, подоить козу*», «*пошарить ягоды в лесу*», «*сходить за пенсией на почту*», «*поднять колодезной воды*» [9, с. 345]. Постулируется довольство малым, но одновременно и достаточным. Герой живёт в тесной связи с природой, избегая комфорта: умывается в реке, его похлёбка варится на огне... Сохраняется память жанра-основы: все действия, как у традиционного идиллического героя, направлены на сущностное. Несмотря на то, что опыт прочтения текстов, созданных в эпоху поэтики художественной модальности, научил читателя и исследователя быть осторожным при упоминании термина «жанр», несмотря на то, что считается: в

современной литературе даже те из текстов, которые формально или содержательно ориентированы на жанр, каноническому жанру не соответствуют, – рискнём утверждать: это идиллия. Наверное, это ни у кого не вызовет сомнения.

Скорее всего, появится много вопросов к другому тексту, маркированному как «пастораль» и представляющему второй полюс в нашей классификации, т.е. утратившему связь с каноническим жанром. Поделимся наблюдением: те из стихотворений, которые написаны в XX веке и которые можно без оговорок отнести к жанру идиллии, так почти никогда не называются. Но обязательно авторский подзаголовок – «пастораль» – появится там, где необходим. Автор, зная, что сам не следует формальным признакам идиллии, настаивает на принадлежности к ней, сознательно оставляя указание на этот жанр. В этом плане показательным стихотворением «Зимняя пастораль» Л. Г. Губанова [10, с. 225–226].

Слово «пастораль», использованное автором в качестве жанрового определения, на самом деле далеко от однозначности. В целом стихотворение не рождает чувства гармонии. Оно как раз в пике той эстетической соразмерности, за которую ратовали русские поэты, возрождая русскую идиллию, начиная с 1820-х гг.

Л. Г. Губанов как бы нанизывает фразы одну за другой (*«Ни веры, ни надежды, ни любви, // стеклянные свидания в пыли. // Лицо своё на зеркале возьми. // Казни меня, казни меня, казни. // Наверно, это в чёрных городах // с монетою и чёлка молода»* [10, с. 225]), даёт разрастись кумулятивным цепочкам, но при этом смысл, хоть как-нибудь связанный с пасторалью, уловить не удаётся. Первое желание оправдать жанр – найти тематические атрибуты идиллии, и тогда можно было бы очень приблизительно, с оговорками увидеть идиллическим «шар земной», где *«...мне твоя рука // напоминает уголок...»* [10, с. 225]. Да ещё хоть как-то можно усмотреть идиллический мотив в идее круговорота всего живого в природе: *«я – то зерно, которое взойдёт, // не хватит рук, чтобы меня пожать»* [10, с. 226]. Однако здесь наблюдаются настолько множественные отклонения от жанрового канона, что возникает стойкое ощущение игры, жанровой стилизации. Произведение Л. Г. Губанова остаётся целостным с точки зрения только его, авторских, интенций, и они трансформировали внутреннюю меру жанра настолько, что текст перестал отвечать жанровым ожиданиям читателя.

Исторически сложившаяся идиллия здесь используется как художественный язык другого типа сознания. Авторская рефлексия над жанром, когда сохраняется только название, а все жанрообразующие признаки пасторали отсутствуют, – это конечная точка его деканонизации. Однако должно же быть что-то, позволяющее именно пасторали (а не какому-то другому жанру) стать вариацией этого авторского целого?

Мы обозначили два полюса современной идиллии. Обратим внимание на то, что между этими крайними точками – идиллией Г. Я. Горбовско-

го (и подобных ей) и квазиидиллией Л. Г. Губанова – есть много «переходных» текстов, демонстрирующих, как постепенно попирался жанровый закон, деканонизировалась идиллия. Собирая подобные тексты, мы помнили, что сегодня – ссылаясь на комментарий к «Исторической поэтике» С. Н. Бройтмана [6] – мы читаем именно *произведение или автора*, не задавая первоначальным вопросом о жанре (он становится предметом рефлексии уже после прочтения). Так, например, эклоги («4-я (зимняя)» [5, с. 13–18] и «5-я (летняя)») [5, с. 35–41] И. А. Бродского далеки по форме от канонических образцов, но размышление автора разворачивается на фоне природы – тем самым повторяется один из важнейших тематических компонентов идиллии.

Незамысловатая правда жизни, радость от хорошо исполненной работы – ещё одна из тематических возможностей жанра – использована в «Идиллии» Саши Чёрного [16, с. 273] и в «Мастеровой пасторали» Эрика Шмитке [2, с. 683]. «Командировочная пастораль» А. А. Галича [7, с. 154–155] создаёт привычное для традиционной идиллии локализованное счастливое пространство, в которое нет доступа никакой официальности. И время здесь остановившееся, тоже локализованное командировкой. Замкнутое время, как в инварианте, есть в стихотворении «Мечта» Е. Г. Полонской [14, с. 147–148]. У Д. С. Самойлова идиллией названо стихотворение «Учитель и ученик» [15, с. 25–30], поскольку оно построено в форме драматического диалога, состязания. Установка на идиллию может быть связана с метрико-ритмической структурой стихотворения, как в «Эклоге миру» Э. Г. Багрицкого [3, с. 41], написанной александрийским стихом, как и многие идиллии (от стихотворения Вяч. И. Иванова «Петровское на Оке» [11, с. 294–295] до «Эклог» Т. Ю. Кибирова [12, с. 211, 246]). Гекзаметром написаны «Счастье ж твоим голубям! Ты снова в дверях показалась...», «Завтра вот эти стихи тебе показать принесу я...» К. Р. (Константина Романова) [13, с. 139–140] или же «дериватом гекзаметра», по Гаспарову [8], – «Идиллия. Из Андрея Шенье» Т. Ю. Кибирова [12, с. 326–327]. Отметим также, что установка на «античное» могла стилизоваться и логгадами («Натюрморт» М. А. Амелина – [1, с. 11]).

Все предложенные примеры – вариативное наполнение жанрового канона идиллии, его разрозненные приметы. Каждый из поэтов по-своему чувствует внутреннюю меру жанра. И читателю, чтобы согласиться с авторским жанровым выбором, этой внутренней авторской меры хватало в XVIII и XIX вв. при возрождении идиллии, поскольку она согласовывалась с инерцией жанрового ожидания. Однако, начиная с XX в., индивидуальные предпочтения поэтов при обращении к идиллии, которые, казалось бы, должны определять внутреннюю меру жанра, отрекаются от инварианта в пользу целостности авторской концепции. Поэт задаёт жанровое ожидание в сильной позиции текста в заглавии, но дальше как будто и не старается, чтобы его текст был похож на инвариант.

Что же заставляет автора называть своё произведение идиллией? Почему именно она, а ни какой-то другой жанр, становится вариацией авторского целого? При этом оговоримся, что оставляем в стороне примеры идиллий, ориентированных на классический образец. Нас как раз интересуют примеры «неидиллических идиллий». Вернёмся к стихотворению Л. Г. Губанова. В отличие от создателей антиидиллий, которые отказываются от признаков идиллии, но их называют, чтобы в сознании читателя так или иначе возникла связь с искомым жанром, он не отталкивается ни от каких жанрообразующих признаков. Так как же здесь срабатывает внутренняя мера жанра идиллии?

Подбираясь к её определению, вспомним, что создатель идиллии сознательно обращался к тем отношениям, которые считал естественными и гармоничными, т.е. изначально патриархальными, не замутнёнными современными отношениями. Первоначально идиллия существует как явление жизненное, не художественное. Мы же его лишены от рождения, а необходимость в нём есть, поэтому любой «похожий факт» делаем фактом разыгрывания (вторичным, искусственным). Начинает выпирать «я так хочу». Так – в инварианте. В идиллии же «неугадываемой» – с определением внутренней меры станет сложнее. Оно вернётся к тому же «я так хочу», но уже в минус-приёме, в описании (утверждении) от противоположного: я хочу *не так*. При этом составляющая «я хочу» останется неизменной. Где есть «я», там есть частный мир. Во всех это «я» живёт. Герой стихотворения Горбовского живёт, как хочет, герой Губанова живёт так, как не хочет, потому что в нём – пусть и в глубоко спрятанной авторской интенции – живёт память о другом (здесь идиллическом). Раз Бог не творит мир по желаемым законам, он, поэт, сотворит свой. Автор, исходя из принципа соразмерности и целесообразности (вполне, кстати, соответствующих принципам жизни в идиллии!), сам творит художественный мир. А ведь идиллия позволяла конструировать если не целый мир, то хотя бы собственную частную жизнь. Начинает проявляться минидемиурговское «я». Если именно это принять за внутреннюю меру жанра (а не что-то из типичного набора идиллических атрибутов типа пастухов, жизни на фоне природы, замкнутого пространства и времени и т.п.), то возможно найти оправдание существования многих современных пасторалей.

Демиурговское начало было весьма уместным и ожидаемым именно в идиллии, ведь герой первых идиллий – пастух. Согласно разным мифам, этим занятием не брезговали ни боги, ни герои. Пастух – человек, достаточно поднявшийся над природой, чтобы приобрести над ней власть, стать пастырем стад. «Пастухи в пасторали – это камуфляж, это роль, в которой выступают боги и герои древности...» [17, с. 61]. Личностное начинается тогда, когда всё дифференцируется, и как следствие появляется лирика. А первый жанр лирики – песня. И первоначально появилась именно пастушья песня. Именно пастушьё культурологическое, антропологическое «я» появилось в мире, сознавая себя субъектом. Действительно, пастух (который

пасёт, а значит, спасает) мыслит себя не просто «вне» остальных – над остальными, он мыслит себя демиургом. В этом одна из моделей пастушеской песни, которая оказалась самой продуктивной и протяжённой в европейской традиции. Идиллия *может* мыслиться пражанром, эмбрионом жанра. Возможно, в текстах, похожих на губановский, оживает, возрождается мечта о строительстве мира по собственным законам, как это было в пастушьей песне – в пасторали.

В заключение отметим, что благодаря трудам М. М. Бахтина [4] роман осмыслен как неканонический жанр, что послужило образцом в выработке общих принципов неканонических жанров. С. Н. Бройтман использовал принцип внутренней меры жанровой модальности и стилистической трёхмерности при определении лиро-эпической поэмы и баллады [6]. История идиллии также подтверждает факт процесса деканонизации, происходящего в литературе.

Список литературы

1. Амелин, М. 10/30 : стихи тридцатилетних [Текст] / М. А. Амелин, Д. Б. Воденников, М. Гронас. – М. : ЗАО МК-Периодика, 2002. – 160 с.
2. Антология русского верлибра. 360 авторов [Текст] ; сост. К. Джангиров. – М. : Прометей, 1991. – 748 с.
3. Багрицкий, Э. Г. Стихотворения и поэмы [Текст] / Э. Г. Багрицкий. – М. : Правда, 1987. – 465 с.
4. Бахтин, М. М. Вопросы литературы и эстетики [Текст] / М. М. Бахтин. – М. : Художественная литература, 1975. – 328 с.
5. Бродский, И. А. Сочинения [Текст] : в 4-х тт. / И. А. Бродский. – СПб. : Пушкинский фонд, 1992–1996. – Т. 3. – 1994. – 446 с.
6. Бройтман, С. Н. Историческая поэтика [Текст] // Теория литературы : Учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений : в 2 т. / под ред. Н. Д. Тамарченко. – М. : Издательский центр «Академия», 2004. – Т. 2. – 367 с.
7. Галич, А. А. Стихотворения и поэмы [Текст] / А. А. Галич. – СПб. : Академический проект, Издательство ДНК, 2006. – 376 с.
8. Гаспаров, М. Л. Метр и смысл. Об одном механизме культурной памяти. [Текст] / М. Л. Гаспаров. – М. : Российск. гос. гуманит. ун-т, 1999. – 265 с.
9. Горбовский, Г. Я. Падший ангел [Текст] : стихотворения / Г. Я. Горбовский. – М. : ЭКСМО-Пресс, 2001. – 378 с.
10. Губанов, Л. Г. «Я сослан к Музе на галеры...» [Текст] / Л. Г. Губанов. – М. : Время, 2003. – 289 с.
11. Иванов, Вяч. Лирика [Текст] / Вяч. Иванов. – Минск : Харвест, 2000. – 231 с.
12. Кибиров, Т. Сантименты [Текст] : Восемь книг / Т. Кибиров. – Белгород : Риск, 1994. – 378 с.
13. К. Р. (Константин Романов). Избранное [Текст] : Стихотворения, переводы, драма / К. Р. – М. : Советская Россия, 1991. – 299 с.
14. Полонская, Е. Стихотворения и поэмы [Текст] / Е. Полонская. – СПб. : Изд-во Пушкинского Дома, Изд-во ООО «Первый ИПХ», 2010. – 319 с.

15. Самойлов, Д. Залив. Стихи [Текст] / Д. Самойлов. – М. : Советский писатель, 1981. – 354 с.
16. Чёрный, Саша. Собрание сочинений [Текст] : в 5 т. / Саша Чёрный. – М. : Эллис Лак, 1996. – Т. 1 : Сатиры и лирики. Стихотворения. 1905–1916. – 269 с.
17. Шайтанов, И. О. Мыслящая муза. «Открытие природы» в поэзии XVIII в. [Текст] / И. О. Шайтанов. – М. : Прометей, МГПИ, 1989. – 280 с.

IDYLL IN THE MODERN RUSSIAN POETRY: TO THE PROBLEM OF THE GENRE INNER MEASURE

E. A. Balashova

*Kaluga State University after K.E.Tsiolkovsky
Literature Chair*

Two poles can be marked in the modern genre model realization: the first will include the works that keep the connection with the invariant, the second deals with those that are only “enrolled” into the idyllic department. So, what lets the idyll, and no other genre, omitting all genre constituting signs, become the author’s integral variation? Maybe, quasi-idylls give rebirth to the dream about the world’s construction, at least, in personal life (the demiurge start), according to the personal laws, as it had been in the herdsman’s singing, – in pastoral.

Keywords: *genre, invariant, idyll, genre inner measure, genre decanonization*

Об авторах:

БАЛАШОВА Елена Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы Калужского государственного университета имени К. Э. Циолковского, e-mail: e-balashova@rambler.ru, 248023, г. Калуга, ул. С. Разина, д. 26.